

ВЕРБОВКА

Дом семьи Рипли
Улица Пересмешника, 2107
Виенна, Виргиния
16.01
15:30

— **Здравствуй, Бен,** — **сказал мужчина,** сидевший у меня в гостиной. — Меня зовут Александр Хейл. Я из ЦРУ.

И ровно в этот момент моя жизнь перестала быть скучной.

До этого интересного у меня в жизни не было ничего. Вообще. Вот, например, взять хоть тот день: день 4583, седьмой месяц тринадцатого года моей

дурацкой жизни. Я выполз из кровати, позавтракал, пошел в школу, поскучал на уроках, поплялился на девочек, заговорить с которыми дико стеснялся, еле вытерпел всю физкультуру, заснул на математике, наорвался на Дирка-задиру, поехал домой...

И увидел на диване у себя в гостиной человека в смокинге.

Я сразу понял, что это шпион. Александр Хейл выглядел абсолютно так, как я всегда представлял себе шпионов. Ну, может, постарше немножко — ему было что-то около пятидесяти, — но такой вежливый, учтивый. На подбородке виднелся шрамик — очевидно, от пули. Хотя может быть, и от чего-нибудь поинтереснее, может от стрелы... Впечатление от него создавалось, как от Джеймса Бонда: я бы не удивился, если бы узнал, что по дороге сюда он гнался за какими-нибудь злодеями и убрал парочку не моргнув глазом.

Родителей дома не было. Они всегда возвращаются позже меня. Александр явно вошел сам. На столике перед ним лежал открытый альбом с нашими фотографиями из Вергиния-Бич.

— Мне пора начать беспокоиться?

— О чем? — Александр рассмеялся. — Когда ты в последний раз делал что-нибудь не то? Ну, разве что подсыпал Дирку Деннету слабительного в колу — но, честно говоря, он сам попросился.

— Откуда вы знаете? — восхищенно спросил я.

— Я шпион, это моя работа. Можно чего-нибудь попить?

— Да, сейчас...

Я перебрал в уме все напитки в доме. Я понятия не имел, что этот человек здесь делает, но безумно хотел произвести на него впечатление.

— У моих родителей много чего есть выпить... Что вам налить, мартини?

Александр снова рассмеялся:

— Друг мой, мы не в кино. Я же на работе.

— Да, и правда... — покраснел я. — Воды?

— Лучше какой-нибудь энергетик, если можно. Что-нибудь с электролитами. На всякий случай: вдруг надо будет заняться делом. Мне по дороге сюда уже пришлось убрать нескольких нежелательных элементов.

— Нежелательных элементов? — я попытался задать этот вопрос так небрежно, как будто каждый день обсуждаю такие вещи. — Каких?..

— Боюсь, что это засекреченная информация.

— Ну да, конечно. Логично. Хотите «Гаторейда»¹?

— Идеально.

¹ «Гаторейд» — спортивный напиток, разработан с целью восстановления жидкости, теряемой организмом во время тренировок.

Я пошел на кухню. Александр — за мной:

— Мы уже давно за тобой наблюдаем.

Я так и застыл перед открытой дверью холодильника.

— Почему?..

— Во-первых, ты сам обратил на себя наше внимание.

— Серьезно? Когда?

— Сколько раз ты заходил на наш сайт?

Я поморщился, снова чувствуя себя идиотом.

— Семьсот двадцать восемь.

Александр слегка удивился.

— Да, именно столько. В основном тебя интересовали игры в детском разделе (и кстати, ты показал весьма неплохие результаты), но периодически ты читал про то, как попасть к нам на стажировку и на работу. Следовательно, ты рассматриваешь карьеру разведчика. А когда кто-нибудь интересуется ЦРУ, ЦРУ начинает интересоваться в ответ. — Александр достал объемистый конверт и положил на кухонную стойку. — Ты нас впечатлил.

На конверте было написано: «*Мистеру Бенджамину Рипли в собственные руки*». Защитных печатей было аж три, причем одну пришлось ковырять ножом для мяса. Внутри оказалась толстая стопка бумаги. На первой странице было написано только: «*После прочтения уничтожить*».

На второй странице начиналось письмо. *«Уважаемый мистер Рипли! Рады сообщить, что с настоящего момента Вы зачислены в Академию шпионажа Центрального разведывательного управления...»*

Я отложил письмо. Во мне боролись потрясение, восторг и непонимание. Да, я всю жизнь мечтал быть разведчиком, но...

— Ты считаешь, это шутка, — прочитал мои мысли Александр.

— Ну... в общем, да. Я никогда не слышал, что у ЦРУ есть академия.

— Конечно, она засекречена. Но уверяю тебя, она есть. Я сам там учился. Отличная школа, в настоящем там обучают агентов будущего. Поздравляю! — И, ослепительно улыбнувшись, Александр поднял стакан «Гаторейда».

Я с ним чокнулся. Он подождал, пока я отопью, и только потом опорожнил свой стакан — видимо, эту привычку заводишь, если всю жизнь тебя пытаются отравить.

Я глянул на свое отражение в микроволновке и вдруг сильно засомневался. Как меня могли взять туда, где учился он? У Александра были красота, сила, утонченные манеры... У меня — ни разу. Как меня могли взять в защитники мировой демократии, если только на той неделе у меня три раза отобрали деньги?

— А как?.. — начал я.

— Как тебя взяли в школу, куда ты даже не соби-
рался поступать?

— Типа того...

— Процедура поступления нужна только для того, чтобы ты рассказал школе о себе. А ЦРУ и так все о тебе знает. — Александр достал маленький карманный компьютер и заглянул в него. — Вот например: отличник, знает три языка, математические способности шестнадцатого уровня.

— Это как?

— Сколько будет $98\ 261$ умножить на 147 ?

— $14\ 444\ 367$, — ответил я, даже не задумавшись. У меня действительно был талант к математике и странная способность точно знать, который час. Хотя большую часть своей жизни я даже не знал, что это необычно. Я был уверен, что все умеют в уме решать сложные уравнения и мгновенно считать, сколько дней, недель и минут они живут на свете. А выяснил я, что это не так, только в три тысячи восемьсот тридцать третий день своей жизни.

— *Вот это* называется шестнадцатый уровень, — сказал Александр и снова посмотрел в компьютер. — Еще тут сказано, что ты на ура сдал экзамены ЗВОК, превосходно разбираешься в технике, а также испытываешь сильную симпатию к мисс Элизабет Пастернак, хотя она вряд ли подозревает о твоём существовании.

Я, на самом деле, так и думал, но было довольно обидно слышать подтверждение. Да еще и от ЦРУ. Так что я решил перевести тему.

— Что за экзамены ЗВУК? Я что, их сдавал? Я не помню...

— И правильно. Ты, собственно, и не знал, что сдаешь их. ЗВОК — это Задания, Включенные в Официальные Контрольные. ЦРУ вставляет свои вопросы во все школьные тесты, чтобы выявить учеников, подходящих для нашей работы. И с третьего класса ты ни разу не ошибся.

— Вы вставляете свои задания в школьную программу? А Министерство образования в курсе?

— Вряд ли. Там обычно вообще ничего не знают. — Александр поставил стакан в раковину и потер руки. — Ну, хватит болтать. Иди собирайся. Нам еще сегодня много чего надо успеть.

— Мы что, прямо сейчас едем?

Александр повернулся ко мне уже с лестницы.

— Ты получил высочайшие оценки в разделе «Восприятие» ЗВОКа. Что тебе непонятно во фразе «с настоящего момента»?

Я задумался. У меня в голове роились тысячи вопросов, которые все хотелось задать одновременно.

— Я... А... А куда собираться? Эта академия, она что, далеко?

— Нет, не очень далеко. В Вашингтоне, через Потомак. Но нам нужно, чтобы ученики посвящали работе все свое время, так что жить придется в общезитии. Учатся в Академии шесть лет, класса примерно с седьмого до двенадцатого. Ты, естественно, зачислен на первый курс.

Я догнал его всего за двадцать секунд, но он уже успел приготовить мой чемодан и теперь разочарованно разглядывал мою одежду.

— Ни одного приличного костюма, — вздохнул он и бросил на кровать пару свитеров.

— А что, в Академии учатся по какому-то необычному расписанию?

— Нет.

— Тогда почему меня зачислили сейчас, посреди учебного года? — Я глянул на подоконник, где лежал толстый слой снега.

Александр, кажется, не знал, что сказать, — впервые с момента нашего знакомства. Он замешкался не больше чем на секунду, как будто было еще что-то, что он не хотел говорить.

— Место освободилось.

— Кто-то ушел?

— Завалил экзамены. Ты был следующим по списку. У тебя есть оружие?

Сейчас я понимаю, что этот вопрос должен был отвлечь меня от опасной темы. И отвлек, еще как!

— Ну... У меня есть рогатка.

— Из рогаток стреляют по белкам. Агентов ЦРУ белки нечасто беспокоят. Настоящее оружие у тебя есть? Пистолет, нож, может быть, нунчаки...

— Нет.

Александр разочарованно покачал головой.

— Ничего. В Академии тебе предоставят все необходимое. А пока пойдет вот это, — порывшись в шкафу, он вытащил мою старую пыльную теннисную ракетку и рассек ей воздух, как шпагой.

Я только тогда вдруг понял, что у Александра-то оружие, скорее всего, с собой. Что-то выпирало у него из-под смокинга около левой подмышки — очевидно, пистолет. И только в этот момент мне вдруг стало страшновато — а до этого было просто интересно.

— Мне еще надо с родителями поговорить, — сказал я.

Александр склонился надо мной.

— Не обсуждается. Академия засекречена. Никто не должен знать, что ты там учишься. Ни родители, ни друзья, ни Элизабет Пастернак — *никто*. Для всех ты будешь учиться в школе с научным уклоном Святого Смитена.

— Школа с научным уклоном? — нахмурился я. — Я буду спасать мир, а все будут думать, что я зануда...

— А то сейчас как-то по-другому думают.

Я поморщился. Он и правда *все* про меня знал.

— Ну, будут думать, что я еще больше зануда, чем казался.

Александр присел на кровать и посмотрел мне в глаза.

— Быть агентом высшего класса непросто. И это только начало. Обучение будет трудным. А потом, если у тебя все получится, вся *жизнь* будет трудной. Мало кому удастся с этим справиться. Так что если ты не уверен — сейчас последний шанс отказаться.

Я решил, что это последний тест. Последний этап вербовки. Возможность показать, что меня не смущает перспектива тяжелой работы и непростой жизни.

На самом деле никакой это был не тест. Александр честно все мне рассказал. Но я ничего не заметил: я был слишком горд, что меня выбрали. Я хотел быть как он. Хотел быть вежливым и учтивым. Хотел заявляться в чужие дома без приглашения. Хотел ходить с небрежно выпирающим из-под смокинга пистолетом. Хотел убирать нежелательных элементов, спасать мир и быть таким классным, чтобы Элизабет Пастернак рот открыла. Я был даже согласен на шрамик от стрелы на подбородке.

Поэтому я посмотрел в его стальные глаза и принял самое опрометчивое решение в своей жизни:

— Я согласен.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Академия шпионажа ЦРУ

Вашингтон

16.01

17:00

Школа не особо была похожа на место, где учат будущих разведчиков. Что, в общем-то, и правильно. Она выглядела как обычная замызганная школа, которая, может, и была красивой где-нибудь во времена Второй мировой войны, но давно уже потеряла весь свой шик. И находилась в таком же замызганном районе Вашингтона, за высокой каменной оградой. Единственное, что хоть как-то бросалось в глаза, — это охранники у ворот, но наша

столица все-таки славится не только политиками, но и преступлениями, так что дополнительная охрана у частной школы подозрений не вызывала.

Территория у школы оказалась огромной. Весной здесь, наверное, очень красиво, но пока на всех газонах лежали кучи снега. А за корпусами начинался густой лес, в который явно не ступала нога человека с тех самых пор, как отцы-основатели решили, что вонючее болото с малярийными комарами на реке Потомак — это прекрасное место для столицы нового государства.

Корпуса выглядели кошмарно. Архитектор, кажется, пытался подражать готическому стилю Оксфорда и Гарварда, но у него ничего не вышло. Воздушные арки и горгульи не спасали: выглядело это все так серо и скучно, что случайные прохожие, наткнувшись на школу с научным уклоном Святого Смитена, наверняка развернулись бы на месте, ушли и никогда бы больше про нее не вспоминали.

Но по сравнению с одноэтажным куском бетона, в котором я учился до седьмого класса, здесь было просто потрясающе. Когда мы с Александром приехали, время было перед зимним закатом. Но, несмотря на бледный свет, свинцовое небо и тень, накрывшую всю территорию, я был в восторге. А машина Александра только подкрепляла мое настроение: как же, шикарный седан, да еще и с какими-то

дополнительными кнопками на приборной панели! Хотя потрогать мне он не разрешил, чтобы не запустить случайно пару ракет в час пик.

Родители восприняли мой отъезд спокойно. Они остались в восторге от речи Александра про «школу с научным уклоном», да еще и совсем недалеко отсюда. Еще бы им не быть в восторге: такое престижное заведение, да еще и бесплатно! (Им Александр сказал, что я получил грант, а *мне* — что за все платит правительство США.) Но их тоже смутило, что уезжать надо так быстро. А мама расстроилась, что не успеет устроить прощальный ужин. Мама обожает устраивать торжественные ужины по любому случаю: например, в честь того, что меня выбрали капитаном школьной команды по шахматам — это при том, что кроме меня в команде никого и не было. Но Александр их успокоил, заверив, что я скоро приеду домой их навестить. А когда они спросили, можно ли им ко мне приезжать, он ответил, что, разумеется, можно, правда, искусно обошел вопрос *когда*.

А вот на Майка Брезинского мой отъезд не произвел должного впечатления. Мы с Майком были лучшими друзьями с первого класса. Хотя если бы мы встретились позже, то, наверно, вообще не обратили бы друг на друга внимания. Майк был тем самым человеком, который мог бы быть в сильных группах по всем предметам, но сидел в слабых,

чтобы поменьше всего делать. Учеба для него была ерундой.

— Ты поступил в школу с научным уклоном? — спросил он с плохо скрываемым отвращением, когда я позвонил ему со своей важной новостью. — Ну ты бы еще набил на лбу татуировку со словом «лох».

Мне очень тяжело было не проговориться. Майк как никто другой оценил бы, что меня выбрало ЦРУ. В детстве мы всю дорогу играли на площадке в Джеймса Бонда. Но я ничего не мог ему рассказать: Александр сидел рядом и невзначай подслушивал мой разговор. Все, что я мог сказать, — это:

— Не так уж это и тупо, как ты считаешь.

— Ну да, — сказал Майк, — наверно, еще тупее, чем кажется.

Так что пока я подъезжал к Академии в машине настоящего, живого суперагента, я все никак не мог избавиться от мысли, что если бы Майк знал, где я, то впервые в жизни он бы завидовал мне, а не наоборот. Школа манила, завораживала и обещала многое.

— Ого, — протянул я, прижимаясь носом к окну.

— Это еще ерунда, — сказал Александр. — Академия гораздо больше, чем кажется.

— В смысле?

Он не ответил. Я повернулся к нему. Он помрачнел и уже не казался таким уверенным.

— Что-то случилось?

— Не понимаю, куда делись все ученики.

— Может, на ужине?..

— Ужин только через час. Сейчас по расписанию занятия спортом, физической подготовкой и самообороной. Здесь должны быть толпы людей.

Александр внезапно затормозил перед уродливым четырехэтажным зданием с табличкой «Общежитие Армистеда».

— По моему сигналу беги в ту дверь. Я прикрою.

Я повернулся к Александру. Все-таки у него действительно был пистолет под мышкой! Он выхватил его и потянулся к ручке моей двери.

— Погодите! — весь мой восторг куда-то улетучился. — А в машине будет не безопаснее?

— Кто здесь агент, я или ты?

— Вы.

— Тогда пошел!

Александр одним движением распахнул дверь и вытолкнул меня из машины. Я ринулся к общежитию по дорожке, вытоптанной сотней пар ботинок и от этого очень скользкой. Ноги разъезжались в разные стороны.

Где-то вдалеке раздался хлопок, и я увидел маленький взрыв в сугробе слева. В меня стреляли!

Решение пойти в Академию тут же перестало казаться мне таким уж правильным.

В холодном воздухе послышалось еще несколько хлопков, на этот раз сзади. Александр отстреливался. По крайней мере, мне *хотелось* так думать. Обращиваться я не стал: драгоценные миллисекунды логичнее было потратить на спасение своей жизни.

Очередная пуля отскочила от земли прямо у моих ног. Я на бегу распахнул дверь общежития и влетел в небольшой тамбур. Здесь была еще вторая дверь, более защищенная, а рядом — будка охраны. Но дверь была приоткрыта, а стекло пробили три аккуратные дырочки. Я протиснулся внутрь и оказался в просторной комнате.

Здесь, наверное, ученики обычно проводили свободное время. Тут стояли объединенные молю диванчики, в углу был старый телевизор с допотопными играми и покосившийся бильярдный стол. В обе стороны уходили коридоры, а истоптанная лестница вела...

Я вдруг получил сильный удар по ногам и упал на спину. И тут же сверху меня придавил кто-то закутанный во все черное — только глаза видны. Коленками мне сели на руки, а рукой закрыли рот.

— Ты кто такой?

— Б-б-бенджамин Рипли, — пролепетал я. — Я здесь учусь.

— Не похож ты ни на кого из наших.

— Меня сегодня только приняли! — объяснил я и на всякий случай добавил: — Не убивай меня, пожалуйста.

— Еще и новичок? Сейчас?! — простонал голос из-под черной маски. — Чудесный день, ничего не скажешь.

Как только жестокость в голосе уступила место сарказму, я сразу услышал, что голос этот выше, чем мне казалось. А присмотревшись повнимательнее к человеку, который на мне сидел, я увидел, что фигура у него стройная и с красивыми изгибами.

— Да ты девчонка! — воскликнул я.

— Ого, — фыркнула она. — Вот это выводы. Не зря тебя взяли. — И она подняла маску на лоб.

Пока я бежал от пуль, я был уверен, что мое сердце просто не может биться еще чаще. Но тут я выяснил, что может. Элизабет Пастернак больше не казалась мне самой красивой в мире.

Девчонка, которая придавливала меня к полу, была на пару лет меня старше — ей было лет четырнадцать-пятнадцать. Шикарные черные волосы, обворожительные голубые глаза, безупречная кожа, пухлые губы и точеные скулы. Она была стройная, почти невесомая, но при этом могла запросто сломать меня пополам. От нее даже *пахло* потрясающе — невероятное сочетание сирени и пороха. Но главное, что меня в ней поразило, — это то, как спокойно и

уверенно она держалась в смертельно опасных обстоятельствах. Я явно раздражал ее больше, чем те, кто в нас стрелял, — просто потому, что я ей помешал.

— У тебя оружие есть? — спросила она.

— Нет.

— Пистолетом пользоваться умеешь?

— Ну, резиновыми пулями я неплохо стреляю...

Она вздохнула и расстегнула куртку. Под курткой оказался целый арсенал: пистолеты, ножи, китайские метательные звездочки, гранаты... Она пробежалась глазами по всему этому оружию и выбрала что-то очень маленькое.

— Это электрошокер. На длинной дистанции он бесполезен, но зато им ты меня случайно не убьешь. — Она вложила электрошокер мне в руку и проинструктировала: — Кнопка включения. Спусковой крючок. Контакты.

Девчонка встала и махнула мне рукой, чтобы я шел за ней. Я и пошел — других вариантов у меня все равно не было. Мы прошли мимо лестницы к южному вестибюлю общежития. Эта девчонка вроде бы знала, что делает, так что с ней я чувствовал себя хоть немного в безопасности. Я повторял каждое ее движение, прижимался, как она, к стене и держал электрошокер так же, как она — пистолет.

Я первый раз был в настоящем сражении и не

знал точно, что принято делать. Мне показалось, что стоит представиться.

— Я, кстати, Бенджамин.

— Да, ты говорил. Давай так. Если выживем — тогда познакомимся.

— Ладно. А что вообще происходит?

— Нападение — очевидно, система безопасности дала сбой. Пока все были на собрании на тему дипломатии, зал заседаний окружили. Всех учеников и преподавателей взяли в заложники.

— А ты как сбежала?

— Я не сбегала, я прогуляла собрание. Плевала я на дипломатию с высокой колокольни.

— А еще кто-нибудь есть на свободе?

— Насколько я понимаю, только ты и я. Я пыталась вызвать подкрепление, но все линии связи перекрыты.

— И сколько террористов?

— Я насчитала сорок одного. Пока что. Все, кого я видела, — профессионалы, вооружены и невероятно опасны.

Я слотнул.

— Я тут всего пять минут, а мне уже надо сражаться с целым взводом врагов одним электрошокером?

Девчонка улыбнулась — в первый раз за время нашего знакомства.

— Добро пожаловать в школу шпионов.